Критика и Библіографія.

Арсеньева. Истоки дней. Из-во
ременныя Записки». Парижъ,
30 г.

а И. Бунина начнутъ изучать въ
ь, великій соблазнъ для составите-
бниковъ представить его «Жизнь
ева». Въ интересное время прошла
нь, въ неспокойную эпоху душев-
ереломовъ и внутреннихъ броженій.
зни Арсеньева цѣликомъ покрыва-
тический рубежъ въ исторіи русска-
да, когда буйный, неравномѣрный
принималъ болѣзненныя формы, а
роста въ стихійной игрѣ истори-
случайностей пришлись на время
нной міровой катастрофы и не
ли сопротивленія въ ослабленномъ
дномъ организмѣ...

а Бунина съ рѣдкой искренностью
кренностью вскрываетъ самую
ину русской жизни въ предгрозо-
ріодъ. «Росъ я среди крайняго дво-
о оскудѣнія», — вспоминаетъ Ар-
. — Многихъ это дало поводъ снова
ить о «пѣвцѣ дворянскихъ усадебъ»
тѣмъ, ни въ одномъ изъ твореній
не опровергается такъ наглядно не-
ность и крайняя узость этого не-
го ярлыка, какъ въ «Жизни Арсенье-
скудѣніе» и привело молодого Ар-
въ соприкосновеніе не только съ
й мужиковъ, кровнымъ сыномъ ко-
онъ является не въ меньшей мѣрѣ,
ным дворянской усадьбы, но и от-
ему во всей исчерпывающей глуби-
городскихъ мѣщанъ, купцовъ, разо-
й провинціальной интеллигенціи.
ше никто, кромѣ Бунина, не разска-
такой покоряющей правдивостью не
о мужикѣ предвоенной эпохи, но и
ещанѣ и купцѣ, о городской русской
ніи, которая вѣдь и представляла со-
ѣсть съ деревней подлинный ликъ

повѣствованіи Арсеньева не скрыты
ата, нездоровые душевные уклоны,
ыя формы людскихъ отношеній; въ
тствуютъ распространенные те-
ементы безсговорочной идеализаціи
го. Арсеньевъ въ своемъ разсказѣ
ки-невозмутимъ, безстрастенъ, мѣ-
даже жестокъ. Но какъ потаенной,
то изъ душевныхъ глубинъ звуча-
лодей, всѣ воспоминанія Арсеньева
безграничной скорбной любовью,
ъ заглушенное отчаяніе. Непе-
ма въ своей органической стихійной
та любовь къ родной землѣ, къ лю-
жившимъ на ней — праведнымъ и
мъ — къ ихъ часто жестокому, но
и талантливому быту.

но все же, очень трудно будетъ бу-
учителю словесности втиснуть Ар-
въ соціально-бытовую галлерею,
нную въ школьныхъ учебникахъ ли-
ы, и тѣмъ заполнить пустующую
предвоеннаго періода въ ряду Чап-
каго, Онѣгина, Печорина, гоголевскихъ помѣщиковъ, тургеневскихъ «идеалистовъ и лишнихъ людей», Обломова, «восьмидесятниковъ» Чехова и т. д. Весь проникнутый чудесно воскрешеннымъ ароматомъ своей эпохи, окруженный мастерски изображеннымъ бытомъ, самъ Арсеньевъ, однако, ни въ малой степени не типиченъ. Онъ слишкомъ зорко видитъ, слишкомъ тонко слышитъ, слишкомъ сильно переживаетъ. «Мы то уже всѣ обстрѣляны, а вотъ ты, на порогѣ жизни, да еще съ такимъ несовременнымъ сердцемъ...» Трижды правильны слова его отца. Не типиченъ Арсеньевъ, «несовременное сердце» у него и не укладываются его переживанія въ рамки опредѣленнаго отрѣзка времени. Арсеньеву данъ сказочный даръ въ минуту тягчайшаго душевнаго упадка выйти въ поле, въ садъ, проѣхать верхомъ по лѣсу и утѣшительно почувствовать интимнѣйшую, космическую связь съ природой, надмірный смыслъ всего происходящаго. Этотъ даръ спасалъ Арсеньева отъ отчаянія въ самыя тяжелыя минуты и неизмѣнно выводилъ его на ясный твердый путь изъ засасывающихъ трясинъ жизни. О столь явномъ для «несовременнаго сердца» Арсеньева тѣсномъ и кровномъ родствѣ осязаемой опредѣленности съ безграничнымъ — И. Бунинъ сумѣлъ разсказать мастерски.

Трудно оторваться отъ страницъ, гдѣ просто, правдиво, иногда сурово, но съ рѣдкой сосредоточенной силой Бунинъ вскрываетъ въ ощущеніяхъ Арсеньева связь природы и человѣка, смерти и бытія, жестокости и красоты. Недаромъ такъ близокъ Арсеньеву, такъ волнуетъ воображеніе молодого поэта его далекій пращуръ и предшественникъ, пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», обладавшій по отношенію къ родной природѣ столь же обостреннымъ зрѣніемъ, нарушающимъ всѣ законы обычнаго, переходящимъ въ ясновидѣніе. И недаромъ несказанный ужасъ смерти близкаго человѣка смѣняется у Арсеньева восторженными слезами «счастья, любви, надеждъ и какой-то почти изступленной ликующей нѣжности», когда ночью онъ подслушиваетъ у двери зала, гдѣ раздается трупъ, изумительныя слова царя-поэта древней Руси. «Господь царствуетъ. Онъ облеченъ величіемъ, облеченъ Господь могуществомъ», — негромко, деревянно и поспѣшно говорилъ за дверью дьячокъ. «Возвышаютъ рѣки, Господи, возвышаютъ рѣки голосъ свой, возвышаютъ рѣки волны свои... Вначалѣ Ты основалъ землю и небеса — дѣло рукъ Твоихъ... Они погибнутъ, а Ты пребудешь, и всѣ они какъ риза обветшаютъ и какъ одежду Ты перемѣнишь ихъ...»

Русская литература, обильная художественными произведеніями, созданными на біографической канвѣ, обогатилась книгой высокой цѣнности.

А. Савельевъ.

Dr. Max Alsberg. Das Weltbild des Strafrichters. (J. Bensheimer, Verlag, 1930).

Продолжая серію своихъ интересныхъ этюдовъ по психологіи уголовнаго процесса (ср. нашу рецензію въ «Рулѣ», № 2789), знаменитый нѣмецкій адвокатъ-криминалистъ Максъ Альсбергъ въ этомъ очеркѣ даетъ анализъ «міровозрѣнія уголовнаго судьи».

Альсберга интересуетъ не міровоззрѣніе того или иного судьи, выработанное путемъ сознательной теоретической рефлексіи. Онъ пытается возсоздать схему міропониманія, какое создается у судей благодаря профессіональнымъ судейскимъ навыкамъ, независимо отъ ихъ индивидуальныхъ свойствъ и взглядовъ. Всякая профессія создаетъ нѣкое «типовое» умонастроеніе; профессія же судьи въ особенности обладаетъ свойствомъ создавать у своихъ членовъ специфическое «судейское» міровоззрѣніе. Наивно предполагать, что программными брошюрами или рѣчами на конгрессахъ можно повліять на психологію судей, въ которыхъ долгій опытъ выкристаллизовалъ опредѣленные принципы и мнѣнія. И здѣсь практика оказывается сильнѣе теоріи.

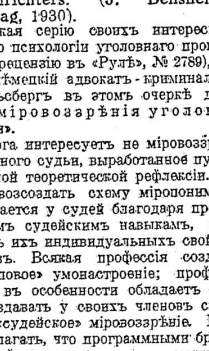
Въ мышленіи судей первое мѣсто занимаетъ не право, а процессъ. Онъ видитъ свою задачу, свое служеніе идеѣ справедливости въ примѣненіи нормъ уголовнаго права къ данному преступнику. Такъ высокая этическая задача стоитъ предъ нимъ въ конкретной, осязательной формѣ. И вотъ, такая возможность дѣйственно служить справедливости создаетъ въ немъ умонастроеніе активное и властное; въ судьѣ, какъ и въ профессіональномъ политикѣ, рождается инстинктивное стремленіе къ власти, вкусъ къ власти. Никакіе законодательные регламенты не остановятъ его желанія доискиваться истины тѣми средствами, которыя онъ считаетъ наиболѣе дѣйствительными. Такъ, напр., законъ запрещаетъ судьѣ пользоваться, наряду съ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ устнаго судоговоренія, письменными актами; но судья постоянно преступаетъ черезъ этотъ запретъ, если только ему кажется, что письменныя доказательства приближаютъ его къ познанію истины. Законъ ограничиваетъ поводы подвергать обвиняемыхъ предварительному заключенію; судья всегда склоненъ пренебречь этими ограниченіями, если въ пребываніи обвиняемаго на свободѣ ему чудится малѣйшая опасность для хода слѣдствія. Судья инстинктивно борется противъ всякаго теоретическаго вмѣшательства въ свое дѣло, властно оберегаетъ свою автономію. И инстинктивно саботируетъ всякія гуманитарныя теоріи, которыя по его мнѣнію грозятъ ослабить власть закона.

При этомъ самый строй уголовнаго процесса исключаетъ у судьи возможность полной объективности. Съ одной стороны въ его руки положено рѣшеніе дѣла, которое должно быть основано на безпристрастномъ воспріятіи хода судебнаго слѣдствія и преній. А въ то же время, законъ дѣлаетъ судью главнымъ органомъ изобличенія обвиняемаго. Въ такомъ положеніи, если всякій честный судья сохраняетъ волю къ объективности, то далеко не всякій можетъ не потерять способности къ ней. Вѣдь движущая сила судейскаго духа — не спокойное взвѣшиваніе доводовъ, а воля — воля осуществить, вопреки дѣйствительнымъ и мнимымъ препятствіямъ, карательную функцію уголовнаго закона.

Въ отношеніи судьи къ праву есть элементъ отъ догмы, отъ религіи. Для него идея права — единственная истинная реальность, которой онъ живетъ и дышетъ; реальность житейскихъ фактовъ носитъ для него отраженный, призрачный характеръ. Отсюда понятно, что судья не можетъ свободно оцѣнивать показанія, данныя подъ присягой; онъ долженъ имъ вѣрить, разъ законъ признаетъ за ними повышенную достовѣрность. Отсюда понятно и то инстинктивное противодѣйствіе, которое всякій судья оказываетъ попыткамъ возобновленія рѣшенныхъ дѣлъ. Заинтересованныхъ лицъ и ихъ повѣренныхъ часто возмущаетъ бездушная формалистика, съ которой судья мотивируетъ отказъ въ возобновленіи дѣла. Въ дѣйствительности, судья защищаетъ здѣсь святую святыхъ своего міросозерцанія. Онъ не можетъ допустить, чтобы приговоры, вступившіе въ законную силу, подвергались колебаніямъ. Вѣдь въ каждомъ приговорѣ для него заключена частица вѣчной и всемогущей идеи права...

А. А. Гольденвейзеръ.

Коронованный поэтъ



По старой, болѣе чѣмъ двухсотлѣтней традиціи, англійскій король даруетъ одному изъ современныхъ поэтовъ титулъ коронованнаго поэта, poeta laureatus. Этотъ титулъ остался вакантнымъ послѣ недавней смерти Роберта Бриджеса. Нынѣ англійскій король возвелъ въ коронованные поэты драматурга, Джона Мезефильда.

Христіанское движеніе

тушенное сизымъ англійскимъ ту-
, весеннее солнце мягко освѣщало
ную комнату помѣщичьяго дома,
брались члены англо-русской хри-
ой конференціи. Больше молодежь.
тели Русскаго Богосл. Института въ
ъ, студенты англійскихъ теологиче-
колледжей и ихъ недавніе товарищи
е священники. Нѣсколько дѣву-
русскихъ и англичанокъ, связанныхъ
ленческимъ Христ. Движеніемъ. Сре-
ть нѣсколько священниковъ старшаго
ленія.

сѣдательствуетъ молодой англича-
ъ, въ длинномъ черномъ по-
ѣ, перехваченномъ шнуркомъ къ
у привязано распятіе. На розовомъ
мущеніе. Онъ мужественно стара-
го преодолѣть. Какъ не смутиться
стѣвъ отъ него Архіепископъ Кентер-
ій, справа русскій митрополитъ
и въ бѣломъ клобукѣ съ длинной
вуалью. Утромъ монахъ предсѣда-
также какъ и другіе англичане, опу-
на колѣни, когда по окончаніи рус-
бѣдни митрополитъ Евлогій прохо-
ерезъ маленькую церковь, гдѣ англи-
русскіе вмѣстѣ молились. А теперь
арха ждутъ пока предсѣдатель дастъ
ово.

пископъ Кентерберійскій высокій
старикъ. На немъ темно лиловая
ъ пелеринной. Съ лысой головы онъ
что снялъ лиловую епископскую ша-
На жилистой рукѣ темнѣетъ круп-
метность. Но и безъ этихъ явныхъ
ковъ высокаго церковнаго сана, при
одномъ взглядѣ на его рѣзкое, артистически выбритое, твердое лицо виденъ человѣкъ привыкшій къ власти. Въ самомъ его голосѣ слышится привычка облекать эту власть въ слова простыя привѣтливыя, но расчитанныя и взвѣшаныя.

— Римскій сенаторъ, — такъ опредѣлили его русскіе.

Онъ и самъ напомнилъ, что возглавляетъ не только англійскую, островитянскую церковь, но и церковь имперскую, Британскую. Англиканство такъ крѣпко связано съ государствомъ, что старшій ея прелатъ составляетъ одно изъ звеньевъ государственной структуры. Его связь съ политикой гораздо интимнѣе, чѣмъ была связь русскихъ іерарховъ со старой русской государственностью. Помимо свойствъ священника въ немъ должны быть навыки политика. Англиканская церковь, со всѣми ея разнообразными теченіями находится сейчасъ въ движеніи, въ поискахъ. Архіепископъ поставленный свѣтской властью, долженъ править по средней равнодѣйствующей, не давая паствѣ уклониться ни внизъ, — т. е. въ старинный протестантизмъ, ни вверхъ — въ сторону католицизма.

Самое появленіе Архіепископа на скромной немноголюдной англо-русской студенческой конференціи есть знаменіе времени. Это новый знакъ сочувствія къ гонимому Православію, такъ явственно высказанному Архіепископомъ въ его рѣчахъ въ Палатѣ Лордовъ и въ неторопливой, но непрерывной работѣ по сближенію русской и англійской церкви, около которой и сложились эти конференціи. Рѣчь Архіепископа дышетъ спокойной благосклонностью. Онъ вѣритъ въ необходимость работать надъ соединеніемъ церквей, радуется что лѣтомъ въ его дворцѣ, въ Ламбетѣ, соберутся не только представители англиканской церкви, но и Восточнаго Православія. Онъ дружелюбно привѣтствуетъ митрополита Евлогія съ которымъ уже раньше встрѣчался и такъ заканчиваетъ:

— Намъ многому хотѣлось бы поучиться у Православной церкви: вашей преданности традиціи, красотѣ и благолѣпію вашего обряда, вашему умѣнію сохранить тысячелѣтнюю непрерывность вашей церкви, находящейся въ непосредственной связи съ церковью апостольской.

Русскій митрополитъ отвѣтилъ на слова англійскаго прелата очень просто и сердечно и тоже высказалъ готовность «учиться у братьевъ англичанъ ихъ христіанской дисциплинѣ, ихъ благочестію, вдумчивому отношенію къ задачамъ церкви».

Этотъ короткій обмѣнъ привѣтствіями, за которымъ съ напряженнымъ интересомъ слѣдили и старшіе и младшіе, по внѣшности былъ самымъ красочнымъ моментомъ конференціи, но всѣ пять дней были полны содержанія и духовной напряженности, не меньше чѣмъ на прошлогоднемъ съѣздѣ. Это уже четвертая годичная конференція. Онѣ выросли около такъ называемаго Движенія, какъ русскіе сокращенно называютъ Студенческое Христіанское Движеніе.

Уже нѣсколько лѣтъ существуетъ тѣсное общеніе между русской группой въ Парижѣ и англійскимъ центромъ Христіанскаго Студенческаго Движенія. На ряду съ этимъ крѣпнетъ дружба между Русскимъ Богословскимъ Институтомъ въ Парижѣ и нѣкоторыми группами англійскаго духовенства. Изъ этихъ отношеній выросло четыре года тому назадъ Братство Св. Албанія и Св. Сергія, куда входятъ русскіе и англичане, священники и свѣтскіе люди, которые хотятъ не только сообща изучать и обдумывать церковные вопросы, но также ищутъ сближенія въ общихъ религіозныхъ переживаніяхъ. Понемногу разсѣиваются предразсудки и предвзятыя идеи, создается дружественная атмосфера въ которой крѣпнетъ сознаніе, что надо стремиться къ христіанскому міровому объединенію, которое прежде всего проявляется въ общей молитвѣ.

Англичане берутъ на себя включая расходы по проѣздамъ и хлопоты и расходы по конференціи. Русскіе у нихъ въ гостяхъ.

Пріѣзжаютъ изъ Парижа участники Движенія со своимъ священникомъ о. С. Четвериковымъ. Студенты Богословскаго Института, съ о. С. Булгаковымъ. Ихъ профессора, С. Безобразовъ, Г. Федотовъ, Г. Флоровскій. Ихъ регентъ, Спасскій съ нѣсколькими пѣвчими. Всего человѣкъ 25.

Конференція уже второй годъ собирается недалеко отъ Лондона, въ бывшемъ помѣщичьемъ домѣ, спеціально перестроенномъ и приспособленномъ для съѣздовъ, главнымъ образомъ церковныхъ и религіозныхъ. Все просто и налажено. Въ сравненіи съ суровой эмигрантской жизнью чистенькія спальни, обиліе ваннъ и горячей воды, утренній завтракъ съ апельсиновымъ вареньемъ и жареными сосисками — кажутся чуть не роскошью. Русскіе делегаты отдыхаютъ въ уютности и прибранности англійской деревенской обстановки. Тѣмъ болѣе что кругомъ раскинутъ садъ. Какъ только выпадаютъ свободные полчаса всѣ делегаты бродятъ по цвѣтнику, уходятъ дальше въ паркъ, туда гдѣ темнѣютъ